

* * *

Ковыряюсь пальцами в горе,
собираю камушки в мешочек...
Дорогая ткань на сентябре
нашим парням головы морочит.
Парни все повыгорели сплошь,
белогривы парни, желтоносы.
А один особенно хорош —
задаёт наивные вопросы:
почему я песен не пою,
почему я писем не читаю?
Я стою у жизни на краю,
на скале, как будто улетаю.
И ни слова пареньку, ни звука.
Кто же в душу ломится без стука?

* * *

Человек застрелился. В плаще и в очках.
Он лежит у палатки на хвойной постели.
Переваривал пищу, стоял на ногах,
и никто не заметил, что он на пределе.

Иногда улыбался куда-то туда —
в голубую, зовущую сторону юга.
Может, в той стороне, где дымят города,
разлюбила его, погубила подруга.
Мы его положили в плаще в мерзлоту,
мы его пожалели, известно.
А потом навалили потолще плиту
и ушли торопливо на новое место.
И осталась река, да гора, да луна...
Человеку нужна тишина.

* * *

Это всё деревья на ветру
на ухо навывли, точно волки,
что я в одиночестве умру
где-нибудь у пристани на Волге.
Заливная рослая трава,
дебаркадер, стонущие сходни...
Две печали — Волга и Нева —
овладели памятью сегодня.
Потонуло детство на Неве,
а на Волге — юности не стало...
Это ветер мечется в листе,
это звон зелёного металла.
На заре отвалит пароход,
три гудка взовьются и растают.
Никаких лирических невзгод,
голова счастливая, пустая.
Словно крылья, реют берега.
За кормой, как прошлое, клубится
голубая русская река,
приглашая вечности напиток.

1964

УТРО В ТАЙГЕ

Наколю дровишек,
заварю чаёк.
По брезенту крыши
ходит червячок.
На полу палатки
громко спит народ.
Возле красной пятки
приоткрытый рот.
...Далеко на небе
гасятся миры.
Начали молебн
утру комары.
Чай тревожит душу,
чай — как Летний сад...
Десять ярких кружек
выстроились в ряд.
И будить не надо:
чувствует ноздря,
что над этим садом
занялась заря.

1964

Если я отсюда не вернусь
 (между нами, только между нами),
 ты смени отчаянье на грусть...
 А когда печаль заменишь снами,
 я хочу являться молодым,
 сильным, бородатым и поющим,
 с незнакомым голосом густым,
 на далёком севере живущим.
 Словно я в реке и не тонул,
 не летел, распластанный, в ущелье...
 Просто я прилёт и отдохнул,
 как бывало некогда с похмелья.
 Вот я встал... В переплетенье льдин,
 в северном сиянии... Один.

ПАВОДОК

А вода прибывает, и я — уже остров.
 Уплывает кастрюля в дождливую даль.
 Совершается всё и красиво, и просто.
 Залезаю на дерево.

Всё-таки жаль
 в середине спектакля тонуть в одиночку.
 И река без названья. И слишком грязна.
 Вот исчезла в потоке последняя кочка —
 муравьиный мирок, Атлантида, страна...
 Скоро ночь. Заполярная, жадная, хищник.
 Без улыбок людей, без огней, наяву...
 Красотища!
 Какая вокруг красотища...
 Каждой клеточкой праздную время.
 Живу.

1964

И. К-ву

Разорву воротник. Приспособлю под голову кочку,
 В рот налью ледовитой небесной воды.
 Я сегодня устал.
 Я едва дотащился до ночи.
 Капли пота, как птицы, в колючих кустах бороды.
 Я пишу эту песню широким размером сказаний.
 Это зрелый размер.
 Это говор дремучих лесов.
 Я на солнце смотрю раскалёнными злыми глазами,
 а затем закрываю глаза на железный засов.
 И лежу. Тишина.
 Только кровь куролесит...
 Зверь обходит меня. Облетает меня вороньё.
 Я серьёзен. Я камень.
 Я всё перетрогал и взвесил.
 И всего тяжелее — раздетое сердце моё.

1962